

МАРИЯ СИНЕНКО

СТЕРХ И ЛЕБЕДЬ

Мария Синенко

Стерх и Лебедь

«Автор»

2023

Синенко М.

Стерх и Лебедь / М. Синенко — «Автор», 2023

В древности колдуны из рода Стерхов увлеклись некромантией – искали способы оживлять мертвых. Из-за этого старые боги прокляли озеро, располагающееся рядом с общиной. Ядовитая вода отравляет все вокруг, и род Стерхов чахнет. Предок Лютомира заручился поддержкой живущих в лесу волколаков и развязал войну с Лебедами, чтобы захватить их землю и женщин. Но Лебеди победили, и на несколько десятилетий установился хрупкий мир. Владелец рода Лебедей Ратибор подозревает, что Лютомир хочет вновь развязать войну. Чтобы укрепить мир, он собирается отдать в жены Лютомиру Златку, сестру своей жены. Сопровождать ее к жениху поручают Горисвету. На прощальной трапезе Ратибору становится плохо – он буйствует, и никто не понимает, что с ним происходит. Несмотря на это, Златка и Горисвет отправляются в путь...

© Синенко М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОРОГА	5
Пролог	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	22
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мария Синенко

Стерх и Лебедь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОРОГА

Пролог

В волчье время – с трех до четырех утра, когда ночь за окнами избы воцарилась в своих правах, – Ведьма начала приготовления. Зажгла свечи, сняла рубаху из грубого льна, распустила по плечам густые черные волосы. Рука потянулась к впадинке над ключицами, привычно погладила, ища и не находя. Камень души – амулет, дающий смертным силу и защиту, Ведьма уничтожила сама. Выбора не было: либо так, либо попасть во власть того, кто оставил на ее спине шрамы от девятихвостки.

Без камня ее душа была беззащитна, открыта силам, снующим по Ту Сторону, но Ведьма свыклась. У нее были свои хитрости. Неупокоенные терзали ее, приводя в исступление, но не могли заполучить душу в полновластное владение. Обряд, который Ведьма собиралась провести, сложен и опасен, утраивал риски, но иначе было нельзя. Она должна была защитить того, кому должна. Того единственного, чувство к которому теплилось в ее сердце, давно превратившемся в камень.

Ведьма набросила на окна плотные занавеси, сотканые из крапивы и заговоренные в новолуние. Они защитят от ненужного вторжения тех, кто бродит в лесу по ночам под покровом тьмы. И от смертных, и от других, невидимых глазу, но от того не менее опасных. Прошла по избе, нагая, окуривая углы полынью и чабрецом. Ведьма не была юной, но тело еще не потеряло красивые формы. Смуглая кожа и раскосый разрез синих глаз – черты матери и отца причудливо сплелись, привлекая внимание. Мужчины заглядывались бы, если бы она появлялась на людях. Но изба стояла на отшибе, и к изгнаннице ходили редко, лишь тяжело захворав. В остальное время ее избегали – одни боялись, другие сочли презрением. Ведьму это вполне устраивало.

Она села на тонкий коврик, также сплетенный из крапивы. Голую плоть обожгло. Но Ведьму давно не пугала боль – то, что происходило с ее душой без амулета, было больнее и страшнее телесных страданий. Ведьма скрестила ноги вокруг стоящего в середине коврика чугунок. Варено остыло, чугун был едва теплый. Ненадолго. Во время обряда он раскалится, и тело будет нещадно печь. Ведьма нанесла на кожу мазь, заговоренную от ожогов, но полностью избежать мучений не удастся. Это и не нужно: жертвенность была частью ритуала. Без нее ничего бы не вышло.

Ведьма глубоко вдохнула, запрокинула голову, после – запела, забормотала гортанно. Глаза закатились, руки действовали сами по себе, отточено – сейчас Ведьмой управляли силы, которые терзали ее и одновременно давали власть. Левая рука нащупала лежащий рядом с Ведьмой костяной клинок. Вырезанные на кости символы изображали хищных зверей, птиц и рыб. Волк гнался за щукой, коршун пролетал над лисицей. Острое лезвие вспорол ладонь, кровь полилась в чугунок. Жидкость зашипела, закрутилась водоворотом. Ритуал начался.

В просторной избе на другом конце общины прекрасная светловолосая женщина проснулась, с криком схватившись за живот. Откинула покрывало, глянула – постель под ней напичкалась кровью. Кровь текла по внутренним сторонам бедер. Много крови. Мужчина, лежащий рядом, проснулся, непонимающе глядя на жену.

Женщина выла. Вместе с кровью из нее вытекала жизнь, которой не суждено появиться на свет.б

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Почти сто лет прошло с тех пор, как закончилась последняя война. Кланов Белых Лебедей и Черных Стерхов жили по разные стороны густого леса, называемого Лютым – сложно было пробраться сквозь него, оставшись невредимым. Непроходимые дебри, на картах похожие на песочные часы, в самом узком месте пересекал тракт – единственный путь, по которому можно было добраться от Лебедей до Стерхов и обратно, не боясь погибнуть мучительной смертью.

Обе общины занимались земледелием, охотой и ремеслами. Торговали с соседями, Лебеди – по свою сторону леса, Стерхи – по другую. Казалось бы, делить им было нечего. Однако о роде Стерхов шла дурная молва – они не зря звались черными.

Предания рассказывали, что в старину, еще до войны, древние из рода Стерхов занялись гиблым делом: искали способы, чтобы вернуть мертвых с Той Стороны. Колдовство было темным, настолько, что разгневало старых богов. В наказание боги отравили озеро, раскинувшееся рядом с преступным родом. Вода почернела, как деготь, и стала ядовитой. Птицы, дикие стерхи, гнездящиеся на болотах в Лютом лесу, погибали, стоило им коснуться вод отравленного озера. Символ счастья стал символом смерти, с которой заигрывали колдуны. Но безумцев это не остановило. Мертвые стерхи стали материалом для обрядов, а образ черной птицы закрепился за родом намертво. Озеро же, исстари звавшееся Океяновым, стало Океянным.

Зайдя в своих изысканиях дальше, род почти изжил сам себя – темные дела сводили колдунов с ума, народ вырождался, дыша испарениями отравленного озера. Самые толковые снялись с места, ушли искать счастье на чужбине. Род зачах бы окончательно, если бы новые владельцы не стали умнее. Огнеяр, сильный и дерзкий, развязал войну с родом Лебедей. Попытки были и раньше, но он, заручившись поддержкой немногих благоволивших Стерхам соседних племен и живущих в Лютом лесу волколаков, развязал с Лебедами войну, желая захватить земли, не отравленные Океянным, и, главное – невест, способных разбавить новой кровью загнивающую общину. Из-за ядовитых испарений Океянного женщины Стерхов часто были пустоцветами или рождали уродцев.

О, он был жесток, Огнеяр. Если бы Лебеди, мирный, в сущности, народ, не сплотились, если бы не стоял в их главе равный по силе владелец – Стерхи одержали бы легкую победу. Но их разгромили, заодно перебив и множество волколаков. С той поры дорога через лес стала проще, хотя и не лишена опасностей. На долгое время воцарился хрупкий мир. Стерхи, казалось, прекратили играть со смертью, отреклись от некромантии. Огнеяр погиб в битве с проклятиями на устах. Единственный его отпрыск, не унаследовавший стать и удаль отца, ушел на Ту Сторону рано, успев, однако, породить Лютомира – нынешнего владельца Стерхов.

Тот пошел в деда. Статный, широкоплечий. Заросший черным волосом, борода заплетена в косы, как и длинные волосы. Лютомир не хотел войны. По крайней мере, в посланиях, которые приносили почтовые птицы.

Ратибор, владелец Лебедей, ему не верил. Он тоже уродился в сильного предка, давшего отпор врагу, был силен и храбр, но войны не хотел. Худой мир лучше доброй ссоры. Сильный с виду, храбрый во время опасности, Ратибор обладал мягким сердцем и хотел сделать все, чтобы избежать кровопролития. И у него был план.

Однако сейчас Ратибору было не до мыслей о войне. Его семью постигло горе. Жена, Белослава, в прошлую ночь потеряла ребенка, первенца. Крошечный трупик вышел с кровью, залившей простыни, узорную широкую лавку, пол. Просторный и светлый терем владельцев Лебедей, убранный, по традиции, в белые цвета, будто потемнел от горя. Кровь замыли, оттерли от белых досок, но до конца смыть следы не удалось. След в душе Белославы же, казалось, не способно стереть даже время. Прекрасное тонкое лицо осунулось, под огромными зелеными глазами залегла синь. Светлые волосы будто разом потеряли густоту и блеск. Бело-

слава лежала в опочивальне, лицом к стене, и не желала видеть никого, даже мужа. Даже кровь с пола она оттирала самостоятельно, отказавшись от помощи челяди.

Ратибор мерил терем шагами, хмурил высокий лоб. Терзал светлую окладистую бороду рукой, не замечая, что творит, выдирая ключья волос. Сжимал в кулаке гранат, свой камень души, висящий на крепком шнурке, обвивавшем шею. Не знал, что делать.

Он отправил людей к домику Весении – колдуньи, живущей на краю Лютого леса. Весения была изгнанницей, бежавшей от Стерхов несколько лет назад. Ратибор помог ей, дал приют, позволил жить неподалеку. Весения не выходила к людям, и у себя никого не привлекала, но в знахарстве не отказывала. Если кто-то из Лебедей заболел очень тяжело, когда своими силами справиться было невозможно, обращались к Весении.

Люди вернулись ни с чем – изба колдуньи была пуста. Весения исчезла. Пропали и ее снадобья, амулеты и чугунки – все, что она использовала для знахарских дел. Скарба в одинокой избе и так было немного, а остались постель, сундук да пустой, чисто прибранный стол. «Так-то отплатила за доброту чертова ведьма. Стерхово отродье, пригрел змею на груди, дурак», – горько думал владетель Лебедей. Скрипнула дверь опочивальни, Ратибор отвлекся от печальных мыслей. В зале появилась Белослава: даже убитая горем, двигалась она плавно, мягко.

– Как ты, жена моя? Не рано ли вставать тебе?

– Тошно мне, мой милый. Но слезами горю не поможешь. Я верю, что вместе мы справимся с этой бедой. Да и дела не ждут, – Белослава слабо улыбнулась. – Ты решил, когда отправишь Златку в путь?

– Ты считаешь, сейчас нужно отпускать сестру от себя? Она могла бы скрасить твою горе, разве не так?

– Горе мое ничто не скрасит, кроме времени. А Златка поможет не только мне, а всему роду. Нельзя допустить новой войны.

Ратибор тяжело сел на резную скамью. Подпер подбородок кулаком, размышляя. Белослава села рядом, положила голову на мужнино плечо. Сложила длинные пальцы на животе. Одета Белослава была в черное – скорбный наряд, непривычный глазу. Обычно владельница Лебедей носила струящиеся белые одежды, чарующие, словно светящиеся внутренним светом, как она сама. Траур по погибшему в чреве плоду женщины не носили – подобное горе было редким, но обычным, не из ряда вон выходящим событием. Однако не нашлось бы в общине женщины или мужчины, косо взглянувшим бы на владельницу. Белославу любили: за красоту, грациозность, мягкость. Ратибор знал, что мягкость эта напускная – в темный час жена могла быть твердой, как камень. Вот и сейчас: час назад убитая горем, сейчас она поддерживает его, едва ли не торопит заняться делами. Жена, пусть и оделась в траур, заплела белые волосы на обычный манер: четыре тугие косы, две – перекинута на грудь, две – выются по спине. Голову венчал золотой, искусной работы обруч – традиционное украшение владельниц, передающееся из поколения в поколение. Драгоценные камни и золото древние умельцы превратили в кленовые листья и грозди рябины.

– Давай пошлем за Златкой, милый мой. Я уже дала ей напутствия, она согласна.

– Ой ли?

– Да. Такая судьба ей не мила, но и не претит. Она понимает, что род важнее девичьих мечтаний. Женская доля тяжела. Златка готова пожертвовать счастьем во имя общего дела. А там, глядишь, стерпится-слюбится, кто знает?

Младшая сестра Белославы, Златка, была обещана в жены Лютомиру. Брачные узы должны были скрепить непрочный мир. Ратибор шел на это без радости – суровый с виду владетель Лебедей обладал мягким сердцем. Но такую цену заплатить проще, чем позже проливать кровь многих.

Лютомир согласился на этот расклад с охотой. Златка уступала Белославе в красоте, но была задорной, милой, юной и по-своему прелестной. Сваты, присланные Лютомиром, оста-

лись довольны, о чем и доложили владельцу Стерхов. Теперь Златку надлежало отправить в общину Стерхов во плоти, а после – договариваться о свадьбе.

Кликнули Златку. Владетели вышли встречать ее в гриднице – просторном зале для торжеств и советов с дружиной. Девушка вошла медленно, нехотя – чуяла, видать, за чем позвали. На юном лице, обычно освещенном задорной улыбкой, царил печаль. Впрочем, держалась Златка твердо, в глазах читалась решимость. Глаза у Златки были цвета изумруда, как у сестры, но посветлее и смотрели обычно более мягко, открыто.

– Здравствуй, сестра. Здравствуй, Ратибор. Мир и покой вашему дому, – Златка склонила голову.

Белослава, слегка поморщившись, поднялась со скамьи, подошла к сестре, приобняла за плечи.

– Знаешь ли ты, цветочек, зачем позвали тебя?

– Догадываюсь. Время пришло?

– Да. На днях ты отправишься к суженому. Ты помнишь, чему я учила?

– Помню, сестра, – губы Златки дрогнули, – да не знаю, смогу ли...

– Колебаться нельзя, – глаза Белославы потемнели, рука стиснула плечо сестры, что не укрылось от Ратибора. Он удивленно поднял брови.

– Не слишком ли ты строга? Златку можно понять, не по душе ей все это. Не о таком, поди, мечтала.

– Ты прав, муж мой. Прости меня, цветочек, – Белослава опустила глаза, – сама не своя сделалась от горя.

Златка крепко обняла сестру, уткнулась в светлые волосы. Зашептала что-то на ухо. Белослава погладила сестру по спине, отстранилась, взяла лицо девушки в ладони.

– Ты знаешь, что иначе нельзя. Я укрою тебя от беды, верь мне. Но сначала нужно сделать так, чтобы всем было хорошо, хоть путь и не радостен.

– Да, сестрица. Я спасу тебя... Всех. – Златка перевела глаза на Ратибора, будто в раздумье. Ухватила пальцами за свой камень души, погладила.

Камни души у всех были разные. Малахит и янтарь, змеевик и оникс, бордовый гранат и демантоид – гранат зеленый, сияющие оттенками розового турмалин, рубеллит и шпинель, аметист, цитрин и их смесь: чарующий аметрин. Много разноцветных, темных и прозрачных камней, каждый – особенный, как и душа человеческая.

В древности камни души хранились у старейшин, позже – у владельцев рода. По преданию, создали их старые боги, раздали зверям и птицам, прародителям, от которых произошли племена и родовые общины. При таинстве рождения повитуха шептала над младенчиком заветные слова, передающиеся из уст в уста, много поколений подряд. Душа ребенка тянулась к камню, предназначенному ей. Повитуха загнутой костяной иглой осторожно колола младенчика в шею или в запястье, алые капли падали на камень, и вместе с кровью часть души будущего воина или невесты просачивалась внутрь. Камни носили не снимая всю жизнь – без него душа была беззащитна перед силами, обитающими по Ту Сторону. Кроме того, поговаривали, что если тому, кто владел магией, в руки попадал чужой камень души, он мог получить над человеком власть. Колдовство сродни некромантии – темное, запретное, о нем говорили шепотом, приукрашивая и путаясь. Те, кто на самом деле что-то понимал, были слишком умны и осторожны, чтобы говорить об этом.

Златка носила маленький янтарный камушек, рыжий, как и ее волосы. Его и крутила сейчас, в раздумье опустив взгляд. Белослава тихонько хлопнула в ладоши, повернулась к мужу.

– Милый мой, ты ведь решил, кто защитит Златку в пути?

– Да. Защитник что надо, лучший из дружины. Горисвет.

Услышав имя, Златка подняла глаза. Удивленная и немного испуганная.

– Достойный выбор, – Белослава ободряюще улыбнулась, – не бойся, милая, пусть он и с изынами, но храбрее и честнее воина нет. Он готов?

– Я предупредил его, на сборы пара дней уйдет. Впрочем, и Златке надо подготовиться, дорога дальняя, непростая. Лютый лес человеческому духу не рад. Но я уверен, что Горисвету все нипочем, а значит, и тебе, голубка, – добавил он, заметив, что Златка побледнела.

Горисвета обсуждали и побаивались. Когда он был мал, семью постигло несчастье: младший брат Горисвета неведомо зачем полез ночью в печь, видно, приглянулись ему огоньки тлеющих углей. Схватил их да и рассыпал, когда пальцы обожгло. Начался пожар, в котором сгорели и изба, и брат, и родители Горисвета. Сам он выбрался – обожженный, испуганный. Следы той жуткой ночи остались с ним на всю жизнь: рубцы покрывали бок, вились до шеи. Имя, данное во славу, теперь казалось злой насмешкой. Горисвет вырос угрюмым, карие глаза под вечно нахмуренными бровями сверкали искрами, если он был сердит. Такими же искрами сиял крупный циркон на его шее. Кроме того, после пожара он остался заикой – с возрастом заикание сгладилось, но Горисвет все равно был неразговорчив. Однако в дружине его ценили – за ум, честность и крепкое плечо.

– Думаю, отправитесь завтра, край – через день. На том и порешим. – Ратибор поднялся со скамьи. – Напоследок устроим общую трапезу. Напишу весточку Лютомиру, пусть ждет невесту. А вы пока помилуйтесь, красавицы.

Он отправился в опочивальню. Сестры проводили его глазами.

Сборы заняли меньше времени, чем ожидал Ратибор. Уже к вечеру следующего дня все было готово. Горисвет был готов выступить сразу, как велют, сказав, что меч и лук всегда при нем, кони накормлены и полны сил. Златка собиралась дольше, выбирала дорожный плащ, сапоги и платье, заплетала косу, расплетала и плела пару, вновь расплетала и убирала волосы гребнем. Белослава положила этому конец, ловко соорудив на голове сестры хитроумную прическу из нескольких тугих кос, гладкую и удобную в дороге. Преподнесла Златке искусно вышитый мешочек для самого ценного, который надлежало хранить за пазухой, на прочном шейном ремешке. Поцеловала сестру в лоб, вопросительно заглянула в глаза. Златка молча кивнула. Нижняя губа подрагивала, словно девушка сейчас расплечется. Приданое было уже собрано. Часть Златка и Горисвет повезут с собой как задаток, остальное – преподнесут к свадьбе.

В просторной гриднице владетелей расставили длинные столы, собрав на прощальный пир едва ли не всю общину. Охотники и зажиточный люд заняли лавки, а те, кто попроще – толпились у входа в терем и улице, рассевшись на резных скамьях. Раскрасневшиеся девки таскали с кухни пироги и наливки, не обделяя куском ни сидевших, ни стоявших гостей.

Дружина провожала Горисвета хмельными песнями, мужики хлопали его по спине, забыв на этот вечер про опаску. Горисвет, вопреки обыкновению, улыбался – видать, дальняя дорога будоражила кровь, заставляла сердце биться чаще. На медовуху он не налегал, в отличие от товарищей. На следующее утро нужно было отправляться в путь, а с тяжелой головой дорога через Лютый лес была еще опаснее.

Златка все печалилась, пусть и старалась это скрыть. Вымученно улыбалась соседкам, которые вились вокруг нее, поднимали чарки с квасом и наливками, поздравляли с помолвкой. Замужние подмигивали, ободряли, те, кто пока оставался в девичестве – украдкой утирали слезы. Далеко не каждой суждено выйти замуж по любви, но что поделать. Всем охота, да не всем дано.

Белослава сидела во главе стола, в одиночестве. Ратибор в минувшую ночь, как назло, захворал. Обещал набраться сил и выйти к столу, проводить путников в дорогу. Змеевик, камень души владетельницы Лебедей, светло-зеленый, необычного для камня цвета, тускло поблескивал в свете свечей. Все так же одетая в черное, она слабо улыбалась подходящим выразить скорбь женщинам.

Застолье становилось все веселей, народ шумел, шутил, смеялся. Несколько мужиков раздобыли музыкальные инструменты, и теперь наигрывали веселый мотив. Полотнища с изображением лебедей – символом рода – развешанные на стенах, колыхал летний ветер, гуляющий по гриднице. Проникал сквозь приоткрытые окна, тянулся от них к дверям и обратно, провожая снующих туда-сюда людей. Кроме ветра, в окошко заглядывали и мальчишки – любопытство заставило их сбежать из-под надзора старших.

В общине давно не было праздников, народ будто чуял надвигающуюся угрозу, был хмур и сдержан. Теперь же морок возможной войны таял, и народ радовался от всей души. Каждый надеялся, что и невольную спасительницу ждет впереди счастье. Златку народ любил так же, как и сестру, если не больше. Белослава – владетельница, белый лебедь, красивый, но не близкий простому народу. На нее смотрели как на символ, верную опору мужу, главе рода. Владетели не чурались простого люда, но всяко были зажиточней, серьезней, и у них была власть – сила, которую просто так не перешагнуть. Они вершили суд, разрешали споры, распределяли, кому в какой год где сеять. Им подчинялась дружина, служила челядь.

Златка же часто проводила время с девушками общины, пела с ними песни, вплетала вместе со всеми в косы разноцветные ленты, танцевала на летнем лугу. На Купалу Златка прыгала через костры и гадала на суженого, в то время как владетели сидели поодаль, на деревянном помосте. Белослава – с ярко-красным, крупным цветком в волосах. Уже не первый год ей удавалось найти в лесу это чудо – цветок папоротника. Никто не знал, как ей это удается, и она никому не рассказывала, даже сестре.

Теперь же Златка своим супружеством должна была скрепить мир, которого жаждала община. И люди веселились, полные надежд. Чем больше лилось в чарки медовухи, тем больше каждый верил в счастливый исход и для себя, и для невесты.

В разгар веселья в гридницу вошел Ратибор. Сначала его появление не заметили, разгоряченные хмелем и песнями. Владетель был слаб, неровной походкой он добрался до своего места во главе стола. Белослава участливо наполнила его кубок, склонилась к лицу, что-то тихо спросила. Ратибор будто ее не видел. Покрасневшие глаза бегали по залу, ни на ком не задерживаясь, борода и волосы – всклокочены, губы беспрестанно шевелились. Ратибор словно спорил с невидимым собеседником, при этом не издавая ни звука. Крупный гранат, удивительно правильной формы, будто с огранкой, подрагивал в ямке над ключицей.

Постепенно народ заметил, что с владетелем творится неладное. Утихали разговоры и смех, люди толкали друг друга локтями, кивая в сторону владетелей. Бабы перешептывались, музыканты перестали играть. Один мужик не донес ложку до рта, так и застыл, вытаращив глаза. Наступила полная тишина. Белослава, заметив косые взгляды, поднялась, подхватила мужа под руку и мягко попыталась увести.

И тут в Ратибора будто вселился бес. Он резко вскочил, оттолкнул жену, зарычал, размахнулся и стукнул обеими кулаками по столу. Кубки опрокинулись, снедь полетела на пол. Белослава, едва устоявшая на ногах, тонко вскрикнула. Ратибор продолжал сметать все со стола, воя, повизгивая, сопя. На губах выступила белая пена, марая бороду. Глаза владетеля налились кровью, из них исчезли остатки разума. Женщины заголосили, в зале поднялся переполох.

– Дружина, что стоите, как столбы! Сделайте что-нибудь, уведите! – Белослава пыталась удержать мужа, но куда там – он стряхнул с себя ее руки, как пушинку.

Наклонил голову, словно бык, сверля красными глазами опешивших людей. И впрямь застывшие было дружинники очнулись, скрутили беснующегося Ратибора, потащили в опочивальню.

– Простите моего мужа. Прошу остаться тех, кто может помочь... Остальные – идите по домам с миром. – Белослава коротко кивнула и поспешила за дружиной.

Народ шумел, чесал в затылках и расходиться не спешил.

– Баста! – звучный, пусть и заикающийся, голос Горисвета раскатился по зале. – Захворал владетель, вот диво! К-кликните баб, что в знахарстве ведают, раз уж к-колдунья наша пропала, и нечего зря языками ч-чесать.

К нему прислушались. Женщины продолжали суетиться, но уже по делу: обсуждали, кто и как может помочь больному. Народ стал расходиться. Горисвет почувствовал робкое прикосновение к локтю, обернулся и увидел стоявшую позади Златку.

– Что теперь будет? – девушка кусала губы. – Наше... путешествие откладывается?

– Отчего ж? З-завтра с утра тронемся в путь, как и собирались. Ратибору ни я, ни ты не поможем, а вот свои обязанности, – Горисвет слегка поморщился, – надо выполнять. Будь готова к рассвету, Златка. И не бойся, – голос его потеплел, – сам не т-трону и в обиду не дам.

Златка улыбнулась, но улыбка вышла кривой и совсем безрадостной.

Ведьма пробиралась через Лютый лес. Котомка за спиной оттягивала плечи – Ведьма взяла в дорогу весь свой скарб, нехитрый, но и не легкий. Она бы с радостью оставила половину в избе – но тогда ей могло не хватить чего-то для чар, а колдовать придется еще немало. И сейчас, пробираясь по сумрачным тропинкам Лютого леса, она нет-нет да нагибалась, чтобы сорвать вороний глаз, собирала с кустов волчью ягоду, осторожно срезала дурман, бледные цветы белены и листья болиголова. В Лютом лесу росло (и жило) много всего, подходящего для злых чар. Если бы Ведьма не знала нужных заклинаний, она бы не прошла далеко. Обычно Лютый лес сам выбирал, куда вести путника.

Во время ритуала что-то пошло не так. Она не знала, что именно, но чувствовала, что натворила бед. Ведьма не сомневалась, что все сделала правильно, но не ощущала, что тот, кого она собиралась защитить, вне опасности. Напротив: само ее нутро будто переворачивалось, скрючивалось, ныло о том, что все стало еще хуже прежнего. Ведьма надеялась, что еще не поздно все исправить. Она знала, что скоро через лес поедут двое, поедут туда, откуда она сбежала, израненная, чуть живая.

Тогда ее звали Весенией. Люди и сейчас называли ее так, но сама она отеклась от имени, в тот миг, когда уничтожила свой камень души. О, как он был прекрасен!

Черный опал, внутри которого огненными всполохами сияли все цвета радуги. Мать Ведьмы расплакалась, когда увидела, что предназначено ее дитя. И от гордости, и от испуга за судьбу дочери. Мать Ведьмы была сильной колдуньей, как и ее мать, и мать ее матери – женщины-прародительницы Ведьмы славились колдовством, и владетели Стерхов держали их подле себя. Поговаривали, что прабабка Ведьмы помогала в изучении некромантии самому Огнеяру, тому, кто развязал кровопролитную войну с родом Лебедей. К моменту рождения Ведьмы о запретном ремесле уже не говорили, а если вспоминали, то шепотом, с оглядкой. Впрочем, это не мешало Ведьме изучать старые книги, оставшиеся от прабабки. Сама она магией смерти не научилась – уяснила, что все, кто связываются с этим гнилым делом, заканчивают плохо. Позже, после всего, что с ней в итоге произошло, Ведьма зло посмеивалась над своей осторожностью. Как оказалось, боялась не того...

Детство Ведьмы прошло сыто и спокойно. Мать, Цветана, была колдуньей, приближенной к сыну Огнеяра, слабым здоровьем Мирко. Стерхи зализывали раны, жили мирно, тихо, пытались наладить утраченные добрососедские связи. Цветана не колдовала во зло, в основном промышляя знахарством, да пыталась, как и многие до нее, найти способ очистить воды Окаянного. Отца Ведьма не знала – колдуньи не выходили замуж, лишь сходились с мужчиной, когда нужно было продолжить род.

При Мирко, правящем недолго, род Стерхов не процветал, но и не ввязывался в смуты. Мирко был слабым, сошел в могилу совсем молодым, не дожил и до тридцати. Жена его, мать Лютомира, умерла родами. Когда умер отец, Лютомиру шел десятый год. Нравом будущий вла-

детель пошел в деда – свирепый, взбалмошный, властолюбивый. Однако, в отличие от Огнеяра, внук умел держать свой нор в узде. Хитрость и скрытность уживались в нем с бешенством, являя опасную смесь. Лютомир был неглуп. После смерти отца он не занимался юношескими забавами, а посвятил себя знаниям: много читал, подолгу пропадал в Лютом лесу, упражняясь в стрельбе. Ведьма не знала, как ему удавалось запросто ходить в лес и возвращаться. Подозревала, что он выведал нужные слова у ее матери. Не в первый и не в последний раз.

Будь среди Стерхов честолюбивые люди, желающие занять место владельца, они бы недолго продержались на нем, получив в спину стрелу или арбалетный болт. Однако таких не нашлось – самые сильные и смелые погибли на войне, остальные – зализывали раны, пытались выжить. Заключали редкие браки с соседями, хотя мало кто с радостью соглашался породниться с затухающим родом. Разве что сироты и совсем бедные девушки, которые иначе рисковали погибнуть с голоду. Но бедные – не бедные, а они были здоровы, кровь их не была с детства отравлена испарениями Окаянного, и дети от таких союзов приносили Стерхам пользу.

Когда Мирко умер, Цветана вместе с дочерью осталась при дворе владельца. Ведьма росла вместе с Лютомиром, хотя никогда не пыталась сблизиться с ним. Мальчик ее пугал. И чем старше он становился – тем больше ростков страха оплетало Ведьмино сердце.

Цветана, казалось, ничего не замечала. Она была мечтательной, доброй и мягкой, вечерами часто тосковала по мужчине, который помог ей зачать – чужеземцу, после пары ночей оставившему ее навсегда. Пусть ведьмы и не выходят замуж, не всем такая судьба по душе. Но иначе нельзя: постоянный мужчина отвлекает чувства, ослабляет ведьмины силы. Цветана вечерами тосковала, а днями – лечила хворающих, коих у Стерхов всегда было в достатке, подолгу бродила по кромке отравленного озера. Дикие стерхи давно не прилетали в эти края, не становились черными и мертвыми, коснувшись проклятых вод. Теперь черные птицы оставались только на знаменах рода. Цветана набирала в склянки темную воду, забирала с собой, изучала, пытаясь разгадать секрет, как вернуть воде прозрачность и чистоту. За этим занятием Цветана преображалась: румянились щеки, голубые глаза светились любопытством, искренним увлечением. Годы шли, но она все так же старалась во благо, пусть и безрезультатно. И все таким же интересом светились ее глаза. А когда Лютомир подрос, переступил свой пятнадцатый год, он начал приходить к придворной ведьме, наблюдать за ее занятием. И глаза его так же светились интересом, только смотрел он не на склянки, травы и книги, а на колдующую Цветану.

О, как Ведьма жалела, что не рассказала всего тому, кто приютил ее. Если бы она это сделала, возможно, он не пытался бы найти способ примириться с Лютомиром, а точил бы острый клинок, чтобы вонзить его в гнилое нутро владельца Стерхов. Но – Ведьма не смогла. У нее не осталось ничего, кроме чувства собственного достоинства. А рассказать о том, что произошло – значило бы сильно его пошатнуть. А теперь Ведьма слышала обрывки разговоров, но не знала всего – к Стерхам едет девушка, чтобы скрепить хрупкий мир. Ведьма не знала, как обстоят дела у Стерхов сейчас, но пять лет назад в этом не было необходимости – род так и не окреп, чтобы с кем-то воевать.

Ведьма пожалела бы несчастную, и дело с концом – она не лезла в жизнь Лебедей, и до их бед и радостей ей не было никакого дела. Ей хотелось, чтобы ей дали жить, спокойно, настолько, насколько можно. Ведьма, когда уничтожила свой опал, встала одной ногой на Ту Сторону. Так и жила – ни жива, ни мертва, но хотя бы свободно. Только один человек на свете заставил бы ее действовать. Тот, кто дал ей эту свободу и кров. Поэтому когда к ней пришло видение, пришлось действовать.

Видение пришло неожиданно, и больно ударило. Ведьма готовила отвар из трав для захворавшей женщины, когда вокруг опустилась тьма. Глаза Ведьмы оставались открыты, но не видели ничего, кроме черноты, будто она внезапно ослепла. Голова закружилась, Ведьма схватилась за край стола, опрокинула чугунок с зельем. Горячее варево ошпарило ноги. Вме-

сте с болью алыми вспышками пришло видение. Ведьма отошла от стола, слепо шаря руками вокруг себя, вышла на середину избы и легла на пол, на спину. Широко раскрытыми глазами она смотрела на то, что разворачивалось перед ней.

Алые образы на черном фоне. Без теней, не объемные, словно рисунки кровью. Двое путников скачут через лес, мужчина и женщина. Вокруг мужчины пляшут всполохи огня, вокруг его спутницы сверкают молнии. Огонь – сила, молнии – опасность. За спутниками тянется кровавый след, алые капли усеивают дорогу. Впереди, там, куда они держат путь – огромный костер, языки пламени облизывают небо.

Картинка меняется. Ратибор – в видении Ведьма не стыдится называть его имя – мечется по постели. Рядом – красивая женщина, утирающая пот с его лба. Вокруг Ратибора грозное облако, молнии бьют в мужчину, в голову, в грудь, в шею. Не просто опасность – смертельная опасность.

Ведьма очнулась с именем мужчины на устах.

– Рати... – она зажала себе рот ладонями.

Она боялась даже мысленно называть это имя, чтобы те, кто терзает ее душу, твари с Той Стороны, не учуяли и не пришли за ним.

Это было глупо. Как и ее влюбленность, детская, щенячья – какая угодно, но в любом случае не то чувство, которое должна испытывать взрослая женщина. Тем более Ведьма.

В такие моменты она вспоминала Цветану, витавшую по вечерам в наивных мечтаниях о чужеземце, подарившем Ведьме жизнь, смуглую кожу и раскосые глаза. Ведьма не хотела быть похожей на мать. Она слишком хорошо помнила, чем заканчиваются доброта, наивность и глупые мечты. Но сердцу не прикажешь, оно заходится стуком, тянется к мужчине, и плевать ему на то, как это глупо и бестолково.

Ведьма, пошатываясь, поднялась с пола. Оглядела ошпаренные ноги – к счастью, зелье в чугушке не успело закипеть, и ожоги были не страшные, пусть и болезненные. Морщась, нанесла целебную мазь на покрасневшие ступни и лодыжки. И принялась думать, как спасти возлюбленного.

Сейчас, пробираясь сквозь Лютый лес, Ведьма кляла себя за неосмотрительность. Чего стоило начать с разговора? Рассказать, что Лютомир сделал с матерью. Что пытался сделать с ней. Клятая гордость – вот что помешало. Из-за гордости, скорее всего, все стало только хуже. И кто знает, сколько горя и страданий еще будет впереди. Однако Ведьма пойдет до конца, чего бы это ни стоило. Ей и другим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Златка встала до рассвета, умылась прохладной водой из деревянной кадушки, взглянула в зеркало. Тугие косы не расплелись, даже не растрепались – Белослава хорошо потрудились. Можно было одеваться, заканчивать сборы и отправляться в путь.

Златке было боязно и неприятно. Нет, не замужества она боялась – хотя брачная ночь ее пугала, достаточно наслушалась от девушек про кровь, боль и прочие ужасы плотской любви. Златка была готова пожертвовать своим телом ради процветания рода. Ради того, чтобы не было войны. Война – это ужас, кровь и боль, гораздо худшая, чем та ночь, в которую становятся женщиной.

Боялась она другого. Сестра была убедительна – о умная, сильная и сообразительная Белослава. Златка с детства восхищалась сестрой, мечтала вырасти и стать такой же. Мудрой. Уверенной. Но сейчас мрачные, тяжелые сомнения терзали душу Златки. Впрочем, о чем сомневаться? Все решено. Златка упрямо сжала губы и принялась за последние приготовления. Увязав последнее, отправилась к терему владетелей.

Там творилась суматоха. Ратибор так и не пришел в себя, хоть больше и не буйствовал. Всю ночь метался в горячке, опоенный успокоительными отварами. По залу беспокойно сновали женщины, кто с тряпками, кто с травами и пузырьками, дверь в опочивальню сторожили двое из дружины.

К Златке вышла Белослава, рассказала, как обстоят дела, дала последние напутствия и наскоро простилась. Выглядела владетельница лихорадочно, будто и сама подхватила горячку: глаза блестели, щеки покрылись пятнами нездорового румянца.

– Цветочек, ты у меня умница. На тебя вся надежда, ничего не бойся и иди до конца. Помни: моя жизнь в твоих руках и судьба рода – тоже.

Белослава поцеловала сестру в лоб и вернулась в опочивальню.

На выходе из избы Златку уже поджидал Горисвет. К нему вернулся его обычный мрачный вид. Одет он был в ладно сшитый дорожный плащ, за спиной висела увесистая котомка, а под уздцы он держал гнедого коня и пегую молодую кобылу.

– Утро д-доброе, Златка. Готова? Верхом доводилось ездить?

– Бывало.

– Хорошо. Молния – кобыла смирная, н-неудачно ее назвали.

– Ладно. Нам нужно вернуться к моей избе, забрать вещи и сундучок с приданым, и можно трогаться.

Дошли в молчании. Златка исподтишка разглядывала спутника. Он шел по ее правую руку, и было хорошо видно его изъязны – рубцы от ожогов виднелись из-под ворота грубой рубахи, переходили на шею и нижнюю часть лица, доходя до щеки. Шрамы были глубокие и, несмотря на то что лет прошло уже немало, выглядели устрашающе.

В своей маленькой избенке Златка накинула дорожный плащ, котомку за спину, сундучок с приданым Горисвет приладил на спину лошади, закрепил.

– Д-добрый конь, – Горисвет похлопал гнедого по мощной шее, – кличут Верным, и правда, ни разу не подвел.

Повисло неловкое молчание. Горисвет явно не знал, что еще сказать, стушевался и делался на вид еще более суровым. Златка вздохнула. Робкая надежда на то, что и без того нелегкий путь скрасят интересные разговоры, таяла.

– Ну... пора? Ты знаешь дорогу через Лютый лес?

– Да. Дорогу знаю, п-поедем по основному тракту. Оглянуться не успеешь – и уже у жениха! – Горисвет осекся, возникшая было улыбка померкла. – Ладно. И п-правда пора, дай подсоблю. – Он помог Златке оседлать Молнию.

Они тронулись в путь. Провожать их никто не вышел – народ, растерянный и подавленный странной болезнью владельца, либо сидел по домам, либо помогал Белославе, либо чесал языками попусту. Те, кто вчера пил за удачу и здоровье путников, сегодня будто забыли про них. Словно выходка Ратибора разрушила надежду на хороший исход.

Стоял июль, ранее утро пока дарило прохладу, но все указывало на то, что день будет жарким. «Впрочем, в лесу-то зной нам не страшен», – размышляла Златка, «Другое дело, что там может оказаться что-то похуже». Бывать в Лютом лесу ей не доводилось. В лес, населенный волколаками, болотницами, кикиморами – кто знает, кем еще? – лишний раз не совались. Охотники добывали зверье на окраинах, стараясь избегать глуши, да редкие торговцы и путешественники сновали по тракту. Торговцы часто просили помощи у дружины – сопровождения, за умеренную плату, так что для Горисвета лес не был тайной за семью печатями, как для Златки.

Лошади шли быстрым шагом, седоки молчали, думая о своем. Вот уже осталась позади родовая община, начались посевные поля. Путники выехали на тракт, и вдаль показался лес.

Лютый лес даже издали внушал смутную тревогу. Лесной массив, густой, окутанный синеватым сиянием. Заезжие торговцы рассказывали Лебедам про другие места, те, где в лес можно было ходить безбоязненно. В тех краях леса начинались с опушки, и дремучая пуща начиналась лишь в самой глубине, куда человек и не сунется. Лютый лес был не таким. Здесь деревья стояли плотной стеной, а меж ними буйно разросся подлесок. Колючие кустарники, длинные гибкие ветви, занавеси из плюща, трухлявые пни и коварные кочки – нагромождение зелени, через которую нельзя было пробраться. Если сам лес того не захочет, конечно. Златка поежилась, втянула голову в плечи. Горисвет заметил, улыбнулся, пытаясь подбодрить.

– Не бойся, Златка, в лесу не так страшно, как малюют. Если не съезжать с т-тракта – все пройдет гладко, доедем быстро. А съезжать н-нам и не придется, тракт напрямик к Стерхам выведет.

– А если волколаки вылезут?

– Волколаки живут в дебрях, в своих п-поселениях. После войны им с людьми ссориться охоты нет.

– А у Стерхов ты бывал?

– До общины не доезжал. Т-торговцев, бывало, провожали до их края леса. Но дальше не ехали – озеро там, Окайное...

– Ядовитое?

– Так говорят, – Горисвет искоса взглянул на Златку, – но сам не видал. Может, все не так п-плохо. Народ же там живет, Лютомир, опять же. Г-говорят, здоров, как бык.

– Хорошо, если так, – Златка отвела глаза, покраснев.

Подъехали к кромке леса. Тракт врезался в лесной массив, как плуг – в пашню. Прямой путь, без ответвлений. По краям дороги лес вставал стеной, дикий, непроходимый. Земля дышала испарениями, они курились вдоль тракта, замутняя подлесок.

– Как же охотники ходят сюда? Кроме тракта и дороги нет...

– Ходят только знающие, да по к-краешку. Что бы ни случилось – не съезжай с тракта, Златка. Лютый лес – не просто деревья и кусты. Здесь издревле живет к-колдовство, такое, что навредить может. Лютый лес не жалуется людям.

Путники въехали под густые кроны. Сразу стало прохладнее, солнечный свет с трудом проникал сквозь листву – лес нависал над трактом, почти образуя арку. Синеватый дымок, чудной, будто живой, потянулся от подлеска к людям. Лошади фыркали, поводя ушами, тревожась, но шли покорно. Горисвет ехал вперед уверенно, без страха, и Златка немного успокоилась.

Прошло минут десять, и Златка заметила, что тракт не такой прямой, как показалось вначале – тут и там от него уходили вглубь леса узкие тропы, да только странно как-то: вот

вется тропинка, а стоит проехать, оглянуться – а ее и след простыл, снова сплошной лес стоит да туман стелется. Златка сама не заметила, как стала придерживать лошадь, чтобы разглядеть это чудо получше.

– Златка! Не задерживайся да по сторонам много не г-гляди! Говорю же – лес шутки шутит! – голос Горисвета долетал будто издали, и Златка с удивлением заметила, что сильно отстала. Пришпорила Молнию, догоняя.

– По этим тропинкам ходят охотники?

– Они свое дело знают и береги носят, на п-правильный путь заговоренные. А тебя лес с т-толку собьет – оглянуться не успеешь! Держись рядом.

Златка опустила голову, стараясь не смотреть по сторонам. Разглядывала серую гриву Молнии, пока не поняла, что начинает клевать носом. Лесные испарения туманили голову, заставляли голову клониться на грудь.

– Это что еще за новости! – удивленный возглас Горисвета вернул ее в реальность.

Златка подняла глаза и обомлела: на земле впереди, на ветвях деревьев по сторонам тракта, сидело множество черных воронов. Горисвет придержал коня, ухватился рукой за ножны на поясе.

Вороны сидели недвижимо, буравя путников черными бусинами глаз. Крупные, чуть ли не с кошку. Таких птиц Златка в жизни не видывала.

– П-придержи Молнию, стойте смирно, – Горисвет, не оборачиваясь, протянул в их сторону раскрытую ладонь в предупреждающем жесте. Проехал немного вперед. Вороны не шевелились, застыв на месте: можно было бы подумать, что это – чучела, если бы они изредка не моргали.

– Что за отродья? – Горисвет медленно вытянул меч из ножен. – А ну, к-кыш! Кыш!

И тут все произошло быстро, словно он произнес заклинание. Вороны разом взвились в воздух, неистово хлопая крыльями. Ринулись на путников, истошно каркая. Златка закричала, Верный рвался на дыбы, но Горисвет удержал его, дергая уздечку. Взмахнул мечом, лезвие, которое должно было разрубить ближайшего ворона пополам, прошло сквозь него. Ни крови, ни кишок – ворон обернулся черным дымом, растаял в воздухе.

– Златка, это морок! Не б-бойся! – Горисвет, размахивая мечом, поразил еще две цели, остальные птицы мельтешили перед ним, закрывая обзор, но не причиняя вреда. – Златка! – Горисвет обернулся и успел увидеть круп Молнии, исчезающий в дебрях. Перепуганная Златка направила лошадь по одной из исчезающих тропинок.

– Холера! – Горисвет развернул коня и ринулся следом, почти вслепую прорываясь через пелену призрачных крыльев. Он размахивал мечом, как придется, и чувствовал себя сущим дураком.

Но успел вовремя. Стоило ему свернуть с тракта и проехать шагов двадцать, как, обернувшись, дорогу он уже не увидел. Лес сомкнулся, скрыв начало тропы. Вороны исчезли, словно их и не было.

– Тьфу ты, п-пропасть...

Он пришпорил Верного, надеясь как можно скорее догнать Златку. Узкая тропинка вилась вглубь леса, неустанно сворачивая. По обеим сторонам высились стволы деревьев, вековые и молодняк, покрытые мхом, паутиной, густой подлесок исходил испарениями, синеватый туман здесь был более плотным, как дым. Горисвет гнал коня вперед, молясь всем богам, чтобы не опоздать.

Деревья расступились, являя взгляду берег заболоченного лесного озерца. У самой воды, спешившись, стояла Златка, держа Молнию под уздцы и зачарованно глядя вперед. Над гладкой поверхностью воды стелился туман, как и в подлеске. Было тихо: ни всплеска, ни звона насекомых, ни крика птицы. Будто нарисованная картинка, а не явь. Обманка, силок. Горисвет спешился, медленно направился к Златке, оставив Верного позади. Окликать Златку не хоте-

лось – казалось неправильным нарушать эту тишину, покой. Лучше просто двигаться вперед, к манящим водам... Горисвет приблизился к краю, встал рядом с девушкой. И тут увидел, на что она смотрит.

Посреди озера, по пояс в воде, стояла девушка. Длинные русые волосы, нагая грудь. Мокрые пряди липли к щекам, полностью закрывали лицо с одной стороны, так, что был виден только левый глаз – огромный, иссиня-черный, в обрамлении густых ресниц. Капли воды стекали по шее, по груди, задерживались на сосках и беззвучно падали в воду. Пухлые губы, синюшного цвета, но все равно неумолимо притягательные, изогнулись в манящей улыбке. Девушка протягивала руки навстречу путникам, приглашая к объятиям.

– Она так прекрасна... – Горисвет вздрогнул, услышав сбоку шепот Златки, – и так одинока... Поможем ей, Горисвет...

Златка сделала пару шагов вперед, сапожки почти коснулись воды. Нетерпеливо дернула поводья, и Молния смирно пошла следом. Лошадь тоже казалась зачарованной – не моргая, уставилась вперед, выпуклые темные глаза выражали тупую покорность.

Горисвет и сам чувствовал себя одурманенным. Неестественная тишина давила, зеркальная гладь озера отражала небо, кроны деревьев... Златку и Молнию... Но не отражала прекрасную девушку, которая неведомым образом оказалась гораздо ближе к берегу. И так же – по пояс в воде, хотя озеро на середине всяко было гораздо глубже.

– Что за...

В этот момент передние копыта Молнии оказались в воде. И оцепенение спало, разом со всего вокруг. Девушка ощерилась, вцепилась в поводья и потянула лошадь на глубину. Златку потащило следом, Горисвет едва успел схватить ее за капюшон дорожного плаща и изо всех сил дернуть назад. Златка упала на спину, выпустив поводья.

Незнакомка из озера менялась на глазах. Кожа посерела, рот сделался жабым, растянулся от уха до уха, зубы вытянулись тонкими иглами. Раздался плеск, и на поверхность всплыли еще четыре чудища – перепончатые лапы с загнутыми когтями, гниющие морды. Волосы первого существа съехали, открыв правую половину лица – вместо глаза зияла дыра, наполненная влажным месивом из личинок и лягушачьей икры. Твари вцепились в Молнию, утягивая лошадь в воду, раздирая ее кривыми когтями. Молния истошно ржала и билась, взбивая кровавую пену. Первое существо отпустило поводья и вгрызлось в лошадиную шею. Другие вспороли брюхо, вытягивали сизые кишки. Сундучок со Златкиным приданым глухо булькнул, свалившись в воду. Туда же полетел и остальной скарб.

Златка сидела на земле, прижав кулачки ко рту, глаза лезли из орбит. Горисвет схватил ее под мышки, поставил на ноги, потянул за собой.

– Быстрее, ходу!

Горисвет помог Златке оседлать Верного, сам сел спереди. Помчались рысью прочь – по единственной тропинке, которую открыл им лес. Златка обхватила Горисвета за пояс, уткнулась лицом в спину. Плеск озера остался далеко позади, и Горисвет пустил Верного шагом.

– Нужно остановиться на п-привал.

– Нам ведь нужно вернуться на тракт? – Златка говорила сдавленно, так и не оторвавшись от спины Горисвета.

– Нужно. Только мы заблудились, Златка. Я же не п-просто так говорил, что с тракта съезжать нельзя. Теперь лес может водить нас кругами столько, сколько ему вздумается.

Сзади слышались всхлипывания. Горисвет остановил коня, спешился, спустил Златку на землю. Она плакала, терла глаза кулаками, как ребенок.

– Я такая глупая... Из-за меня все!

– Ну, ну, будет. Ты испугалась, бывает. У всех б-бывает, – горько сказал Горисвет, – найдем место для привала, и я расскажу тебе историю. Только не п-плачь. А тут и я сплеховал, не сообразил сразу, что да как. Но то – мавки были, они любого очаруют, с т-толку событ.

– Мавки?

– Да, л-лесные отродья. Говорят, это утопленницы, к-которые ушли из общины в л-лес, с горя. Или ненароком заблудились, к-как мы. И лес прибрал их к себе.

Пошли своим ходом, ведя Верного за собой.

Вышли на широкую поляну. С одной стороны высился клен – огромный, не обхватишь, с красными, не по сезону, листьями. Златка перестала плакать и изумленно уставилась на дерево.

– Горисвет, что это? Красиво как...

– Красиво, да только п-под этим кленом ночевать я бы не стал. – Горисвет кивком указал на подножие дерева.

Златка присмотрелась и ахнула: землю усыпали мелкие косточки. Путники пошли мимо, и клен зашелестел листьями, хотя ветра не было. Златка подняла голову, разглядывая крону... Красные листья на поверку оказались плоскими существами со злобными глазками и мелкими острыми зубками. Сердитые буркала следили за людьми, тельца вытягивались, желая ухватить. Златку передернуло, и она ускорила шаг.

Шли долго, сначала пешком, потом верхом на Верном. Тропинка петляла, изгибалась, порой замыкаясь в круг. Лес не выпускал добычу из цепких ветвей-лап.

Начинало смеркаться – лучи солнца, и без того с трудом проникающие сквозь густые кроны, совсем потускнели, истончились. Лесной полумрак грозил переродиться в настоящую темень.

На привал остановились на небольшой полянке. Деревья вокруг выглядели обычными, безопасными. Набрали хвороста, Горисвет разжег костер. Достал из котомки бурдюк с водой и сушеное мясо, протянул Златке.

– Надеюсь, долго б-бродить не придется. Снеди мало.

Златка опять начала всхлипывать.

– Если бы я не испугалась и не свернула с дороги...

– Ну, хватит. – Горисвет пересел к девушке, неловко обнял одной рукой. Златка уткнулась ему в грудь, заплакала пуще прежнего.

– Слушай, – Горисвет старался не глядеть на девушку и не обращать внимание, как быстро застучало его сердце. Не привык он, чтобы прижималось к нему женское тело. В общине были девки, которые дарили внимание любому, кто заплатит. Но ведь это – другое, не в счет. – Ты ведь знаешь мою историю, все знают. Про п-пожар.

Златка замерла, прислушиваясь. Рывдания утихли.

– Так вот, я т-тогда мог брата-то спасти. Родителей бы не вытянул, не п-по силам, а брата – мог. Да испугался с-страшно, п-пекло вокруг, огонь, брат п-под стол залез, кричит, а на столе с-скатерть уж занялась. Родители в дыму мечутся, ничего с-спросонок не соображают. Я сунулся к столу, да шею огонь лизнул, з-загорелась рубаха. Я и б-бросил брата, к окну метнулся. Так и с-сгорели все. – Горисвет помолчал. – С тех пор з-зарекся – ничего не б-бояться, что бы не случилось. В дружину специально п-пошел. Но то – я. Испуг-то он т-такой, на каждого может напасть, не убережешься. Не п-плачь, Златка, как-нибудь выкарабкаемся.

Златка слушала, уткнувшись ему в грудь. Всхлипы утихли. Так и сидели, пока на Лютый лес напознала ночь.

Ведьма проснулась под деревом, в шалаше из густых еловых ветвей, склонившихся к земле. Она заползла в него, обессиленная, и заснула мертвым сном. Морок забрал много сил, и это при том, что вороны были лишь иллюзией, которая толком не могла навредить. Никуда не годное колдовство. Однако частично они помогли – путники не вернулись в общину, как она рассчитывала, но заплутали в лесу. И теперь их шансы выбраться и продолжить путь – один к одному: либо выберутся, либо нет.

Ведьма не могла рисковать. Она будет следить за ними.

Проснувшись она от кошмара, который давненько ее не тревожил. Ей снилась мать.

Цветана с дочерью жили в отдельной избе, но много времени проводили в высоком тереме владетелей Стерхов. Его башня была предназначена для приближенных к владетелям ведьм и оборудована всем необходимым. Когда древние Стерхи изучали некромантию, они спускались в подвалы, поближе к земле. Но в остальных случаях творили чары наверху.

Именно там Цветана и проводила свои опыты по очищению озерной воды, там же – учила подрастающую Ведьму колдовству. Туда повадился ходить подрастающий Лютомир. Ведьма помнила, как он втирался в доверие к матери, расспрашивал про воду, принимая заинтересованный вид. Цветана радовалась, как дитя, захлеб рассказывала о том, что уже перепробовала, и что – только собирается. Часто они беседовали при Ведьме, порой – наедине. Но Ведьма была уверена, что грань Лютомир не переходил. До той страшной ночи, накануне его восемнадцати лет.

Торжество должно было проходить в гриднице на следующий день, и Цветана засиделась в башне допоздна. Хотела сделать приятное молодому владетелю: украсить зал волшебными растениями, оживить мрачный интерьер. Терем, как и все избы в общине Стерхов, был выкрашен в черный цвет, изнутри и снаружи. Ядовитые испарения Окаянного оставляли на светлом дереве бурые потеки, на ближайших к берегу избах расцветала темная плесень. Чтобы бороться с этой напастью, люди покрывали дома краской из манжетки, смешанной с соком дикой ежевики и болотными травами. Считалось, что они обладают целебными свойствами. Кроме того, на черных стенах не было видно ни плесени, ни разводов.

В тереме и в избах зажиточных людей постоянно курились благовония, очищая воздух. Беднякам же было хуже. Среди них царили основные признаки вырождения: в нищих семьях на свет появлялись уродцы, с большими головами, кривыми и чахлыми конечностями. Впрочем, от подобного не были застрахованы и богатые. Окаянное отравляло все вокруг, и противиться его испарениям могли лишь колдуньи, защищенные врожденным даром, да те, кто чудом уродился с крепким здоровьем. Многие, выходя на улицы, закрывали рты и носы тряпицей, другие – жили как живется, уповая на милость судьбы. Люди привыкли к своей участи, и надежду, что что-то изменится, уже не питали. Самые смелые и сильные уезжали искать счастье на чужбине.

И лишь Цветана жила светлыми мечтами. И старалась вдохнуть радость во всех понемногу, а в тех, кто был ей дорог – вдвойне. Юный владетель ей нравился, она ценила его ум и хватку, вот и колдовала допоздна. Отец Ведьмы, кроме ребенка, оставил ей на память книгу – травник, с картинками и описанием цветов его родины, красивых и необычных. Их и пыталась создать Цветана. Ведьма была с ней, сперва наблюдала, как мать колдует, после – прикорнула на лавке. Разбудил ее стук в дверь, ритмичный, залихватский.

В комнатку вошел Лютомир. Ведьма даже со сна сразу почуяла неладное. Нахохлилась на лежанке. Владетель был хмелен, а не нравился он ей и трезвым.

Цветана обернулась, с улыбкой.

– Лютомир? Почему не спишь в такой час? – владетеля, всего на три года старше ее дочери, она воспринимала как ребенка.

– Я пришел за подарком, хоть и рано еще, да мочи нет терпеть.

– Еще не готово ж ничего, о чем ты?

– А вот о чем, – Лютомир приблизился к женщине, обнял ее одной рукой за талию, зашептал на ухо. Вторую руку он держал в кармане. Ведьма напряглась, села на скамье.

– Ох, ты опять об этом, – Цветана отстранилась, посмотрела на владетеля с мягкой укоризной, – к чему тебе это знать? Какой год выпытываешь. Дурная магия – гиблое дело.

– Скажи, чего тебе стоит. Я – любознательный. Хочу все знать, и плохое, и хорошее.

– Мам, чего ему надо? – Ведьма едва сдерживалась, чтоб не вскочить с лежанки и не засадить в нос наглому юнцу. И плевать, что он – владелец.

– Успокойся, милая. Ладно, – Цветана выдохнула, склонилась к уху Лютомира и зашептала что-то.

Лютомир широко улыбнулся. Прижался к Цветане покрепче, слушая. А потом – быстрым движением выхватил из кармана маленький нож и перерезал нашейный шнурок, на котором висел аквамарин. Сжал Цветанин камень души в кулаке, отстранился, сияя.

– Вот спасибо! Подарок что надо, удружила! – он быстро забормотал себе что-то под нос – Ведьма не расслышала. Шокированная, она глядела на мать, которая сначала вытянулась в струнку, потом начала приподнимать то руки, то ноги, словно в диком танце. В глазах Цветаны плескался ужас.

– Мама!

Ведьма вскочила, кинулась к матери.

– Ударь ее!

Цветана перестала дергаться, развернулась и с размаху вlepила Ведьме оплеуху.

– Сильнее!

Цветана ударила дочь кулаком, еще, и еще раз. Слезы градом катились по ее лицу, в глазах плескался уже не ужас – отчаяние. Ведьма упала на пол, свернулась калачиком, рыдая.

– Возьми пояс от платья. Свяжи.

Цветана сделала, как велели. Потом застыла на месте, руки по швам, губы трясутся, но не могут вымолвить ни слова. Лютомир подошел к Ведьме, слегка пнул ее в бок носком сапога. Наклонился, дыhнул в лицо перегаром.

– Поделом тебе, сучка. Никогда мне не нравилась, – он ощерился, – а теперь гляди, что будет. – Цветана! Снимай платье!

Цветана подчинилась. Пальцы дрожали, но неумолимо расстегивали пуговицы, идущие от ворота до подола. Глаза впились в лицо Лютомира, взгляд умолял прекратить. Тщетно. Руки продолжали свое дело. Спустили платье с плеч, опустили до бедер. Цветная ткань кулем упала на пол.

– А теперь...

Остаток ночи Ведьма смотрела, как мать ублажает Лютомира всеми способами, на которые способна женщина. Временами она отворачивалась или закрывала глаза, но Лютомир окриком заставлял смотреть, приставлял к горлу матери маленький, но острый нож. Под утро, натешившись, он развязал Ведьму и выгнал вон.

– Если хоть одна собака узнает, что давеча тут было – мать увидишь в гробу.

В следующий раз Ведьма увидела мать очень нескоро. Не в гробу. Но порой ей казалось, что гроб стал бы лучшей участью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Изба пылала. В дыму метались люди, кашляя и крича, натываясь на стол и друг на друга. К выходу было не пробраться – огонь перекинулся на тряпицы, закрывающие вход в сени. Слышался плач ребенка. Он сидел под столом и слепо тянул ручки вперед, шевеля растопыренными пальчиками. Вот навзничь повалилась мать – надышалась дымом, уже не поднимется. Ребенок постарше кинулся было к брату, да скатерть занялась, огонь сначала лизнул одежду, а потом жадное пламя вгрызлось в плоть. Мальчик бросился к окну. Оттуда уже тянулись руки, готовые подхватить, вытащить, спасти. В последний момент обернулся, посмотрел на брата – тот уже не плакал, а кричал, превратившись в живой костер...

– Т-ты чего, ну!

Златка с криком очнулась от дурного сна, резко села, стукнувшись головой обо что-то твердое. По щекам струились слезы, руки слепо шарили по груди.

– Где? Мешочек где? Горисвет!

– Да п-под мышку съехал тебе, вот и не чувствуешь. Шнурок-то на месте, под янтарец на шее видно.

Златка принялась шарить под мышкой, наконец, нащупала мешочек, отданный сестрой. Выдохнула.

– Тебе чего снилось-то? Кричала страшно.

– Ничего, – Златка отвела глаза.

– Ну, ничего – т-так ничего. Подымайся тогда, надо поесть и двигаться в дорогу. Если сегодня не выйдем на т-тракт – худо нам придется. Припасы на исходе, а в Лютом лесу съедобного мало.

Златка протерла глаза, встала, потянулась и обняла себя за плечи. Было зябко – раннее утро, солнце еще не поднялось, и скудных лучей, проникающих сквозь густую поросль, кое-как хватало для света, но не для тепла. Кострище серело пеплом – Горисвет, видать, затушил огонь, пока она спала. «Мог бы и обождать, холодно-то как».

– Рассиживаться не будем, поедим – и в путь, – Горисвет будто прочитал ее мысли, – костер догорал, я не стал уж дров п-подкидывать. В дороге согреемся.

Перекусили наскоро и тронулись, ведя Верного под уздцы. На узкой тропе, окруженной кустарником с разлапистыми ветвями, пешком идти было сподручней. «Если устанем, или будем идти слишком уж медленно, п-поедем верхом», – сказал Горисвет, – «Но вскачь все равно не в-выйдет».

Горисвет пытался ориентироваться по солнцу – понять, в какой стороне тракт. Однако, лес все равно заставлял идти по своему желанию – тропинки появлялись и исчезали, а без дороги пройти было невозможно – деревья вставали, как войско, щетинились деревянными пиками сучков. Пытаться идти напрямик, через подлесок, даже не думали – там и человек не пройдет, а конь – тем более.

Лютый лес жил своей жизнью. То надвигался, то отступал – поначалу Златка пыталась уловить взглядом движение ветвей и деревьев, но потом сдалась. От напряжения заболели сначала глаза, а потом и голова. Появление тропинок на тракте еще можно было кое-как разглядеть – лес расступался, словно кто-то невидимый раздвигал его в стороны, а потом деревья сходились вновь, будто высокая трава на поле. Но вдали от тракта лес менялся незаметней, прячась за дымкой испарений. Стоило отвернуться – и он крал открытые участки или, словно насмехаясь, наоборот расступался, давая дорогу, чтобы вновь измениться через минуту. Он кружил путников, вел мимо оврагов, водоемов, один раз едва не завел в болото. Тогда Горисвет устроил привал, сказав, что идти в топи – верная смерть. Путники уселись среди низкорослых

кривых деревьев – предвестников трясины, и дождались, пока не появится новая тропа, ведущая в другую сторону.

В конце концов, они оказались в чаще. Вековые деревья, покрытые толстым слоем пушистого бурого мха, стремились в небо. Меж ними притулились деревца поменьше и кусты – плотно переплелись ветвями, образуя неприступное препятствие. Тропинка закончилась.

Горисвет слез со спины Верного. Дорога быстро вымотала, и, в конце концов, им пришлось оседлать коня. Встал рядом, почесал в затылке, другой рукой задумчиво погладил лошадиную шею. Верный сердито фыркнул – ему явно не нравилось тащиться меж кустов, обдирая бока. Златка, вымотанная донельзя, горестно вздохнула.

– Что будем делать?

– Подождем, как с б-болотами. Может...

Договорить Горисвет не успел. Верный издал тревожное ржание, дернулся и резво попятился. Захрустели ветки. Златке пришлось изо всех сил вцепиться в гриву, чтоб не свалиться наземь или в ближайший куст.

Из зарослей выбирались серые тени. Лениво ступая, не прижимаясь к земле. Густая шерсть, местами сваливавшаяся, не дыбилась – крупные звери явно чувствовали себя хозяевами здесь. Казалось, сам лес расступается, освобождая им дорогу.

– Горисвет, это тоже морок? – пискнула Златка, таращась на волков.

– Если бы... – Горисвет вынул меч из ножен, встал на изготовку, стараясь не делать резких движений. – На глаза п-посмотри.

Златка взглянула: на волчьих мордах красовались человечесьи глаза. «Волколаки!» Странное зрелище, завораживающее и отталкивающее одновременно. Волков было много, Златка насчитала десятерых, а они все прибывали, выныривая из буро-зеленого полумрака, грациозно, уверенно. Верный испуганно ржал, топтался на месте, мотая мордой. Златка вцепилась в поводья, оглянулась – тропинка исчезла, лес поглотил ее и отступил, оставив поляну, на которой замерли двое людей, конь и волки. Они были и позади. Стояли и сидели на земле, довольно глядя на добычу. Один лениво зевнул, клацнув напоследок мощными клыками.

Горисвет медленно, не делая резких движений, огляделся. В глазах его читался не страх – решимость. Однако прежде чем он успел что-то сделать, вперед вышел один из волков – огромный, матерый. Сделал кувырок, перекатился по земле – и вот, Златка не успела заметить перевоплощение – перед ними стоит не волк, а мужчина, голый, не считая набедренной повязки, похожей на волчью шкуру, волосы цвета перца с солью, вихрятся во все стороны, усы и борода в колтунах, грудь – сплошь в застарелых шрамах.

– Убери меч, человек. Мы не хотим крови. Ты можешь попробовать, но нас – больше, всех не перебеешь. А самка твоя при таком раскладе будет умирать дольше и мучительней.

Горисвет помедлил, но все же убрал меч в ножны.

– Что вам надо? Кто т-ты и как звать т-тебя? Я – Горисвет, женщина – Златка. Нам нет д-дела до вас, мы едем по своей нужде. Помни, что у людей и вашего племени д-договор.

– Про договор-то я помню, да вы сами к нам забрались, – голос волколака был грубым, спотыкался на «р», словно рыча. – Мое настоящее имя ты не выговоришь, человек. На твоём языке оно будет звучать как Ррышч.

– Я уважаю твое п-племя и ваши владения, Ррышч. П-прошу, п-позволь нам проехать своей дорогой.

– Не все так просто, человек. Мы обещали не трогать ваш род на тракте. Про чашу речи не шло. Впрочем, – Ррышч оскалился, – я пока не знаю, что с вами делать. Поедете с нами. Будешь махать мечом – умрете. Садись на коня, к своей бабе.

Горисвет окинул Ррышча тяжелым взглядом. Посмотрел по сторонам, на других волколаков. Стая приблизилась вплотную, окружив Верного. Златка на его спине застыла, в лице –

ни кровинки. Горисвет вздохнул и сделал, как велели. Стоило ему вернуться в седло, и Златка в тот же миг вцепилась в него мертвой хваткой. Шепнула на ухо: «Нас убьют?»

– Не обязательно, – тихо, краем рта, ответил Горисвет, – хотели бы – уже разорвали. Но д-держи ухо остро, не уппусти шанс сбежать, если он появится.

Ррышч, тем временем, перекинулся обратно в волка. Пересек поляну, встал напротив дремучих кустов, откуда появились волки. Прорычал что-то, тягуче, перемежая коротким потягиванием. И лес расступился, узкая тропа появилась неуловимо, Златка лишь моргнуть успела. Остальные волколаки встали по сторонам Верного, как стража, и вереница тронулась в путь, с Ррышчем во главе.

Верный шел неохотно, но наступавшие сзади волки начинали угрожающе рычать, стоило коню замедлиться. Горисвет похлопывал коня по холке, придерживал поводья, склонялся к гриве, шептал что-то в лошадиное ухо, будто ребенка успокаивал. Тропка вилась меж деревьев – ни повернуть, ни разминуться. Вокруг – либо чаща, либо серые спины волков. Прошло с полчаса, и лес расступился, являя взгляду просторную поляну.

В центре, над погасшим широким кострищем возвышался массивный котел. Златка могла бы поместиться в нем целиком – спрятаться, если пригнется. Вокруг котла, на расчищенном пятачке, полукругом лежали бревна, накрытые шкурами, кое-где шкуры были расстелены прямо на земле: в основном оленьи и лосиные, с вырезанными, вернее, оторванными, судя по неаккуратным кромкам, рогами. Но были и другие – кабанов, лисиц, пара медвежьих. Шкуры выглядели отталкивающе: грязные, засаленные, с неровными краями. Местами виднелись остатки гниющего мяса. И кости – разбросаны по земле, свалены вокруг котла, вываренные до серости. На них явно выделялись следы зубов. Златку передернуло. Она не знала, как выглядят воочию человеческие кости, но некоторые, если приглядеться, подходили под ее представление. Чувствуя подступающую тошноту, она отвернулась, ища глазами что-то, за что можно зацепиться.

По всей поляне, как грибы, выступали покатые крыши землянок. Самая крупная, с широким лазом, из добротного дерева – была ближе всего к кострищу, к лежищу. Другие веером рассыпались по обе стороны от котла, одни – ветхие и темные, а другие – крепкие и ладные.

«И у волколаков, кажется, есть свои зажиточные и бедняки», – Златку насмешила эта внезапная мысль, и она испугалась, что сейчас начнет хохотать, да так и не сможет остановиться. Она чувствовала, что напряжена, как тугая тетива.

У одной из землянок сидело два чумазых малыша, которые забавлялись тем, что перекидывались в волчат и обратно. Когда стая проходила мимо, из землянки вылезла мать – в человечесем облике, полуголая, она села, загораживая волчат и зарычала, приподняв верхнюю губу, злобно глядя на людей. Несмотря на варварский вид и разводы грязи на голых ногах и руках, лицо было чистым, а на голове – два пучка, собранных из густых русых волос и закрепленных тонкой бечевкой.

Другие обитатели поселения волколаков продолжали заниматься своими делами, так же неотличимы от людей, разве что не слишком ухоженных, диковатого вида. Кто-то вальяжно развалился на шкурах около кострища, другие – сновали между землянками, на окраине, ближе к деревьям, двое разделявали оленью тушу.

Когда процессия сопровождала Златку и Горисвета к центру поляны, волчий народ стал стягиваться к ним, окружать, рассматривать. Глаза многих горели недобрым, голодным огнем. Волки, сопровождавшие Горисвета и Златку, также обратились в людей, присоединились к толпе. Стая отеснила путников к котлу, образовав полукруг. Ррышч вышел вперед, указал на людей:

– Эти двое ушли далеко с тракта, забрели в чащу. Стая, что мы сделаем с ними?

– Убить и съесть, вестимо, – прорычал здоровяк в первых рядах. Остальные зашлись лающим смехом.

– Люди не п-простят вам этого, – Горисвет говорил громко, перебивая смех, – ни п-по ту, ни по д-другую сторону леса. Мы – из рода Лебедей, но едем к Стерхам, и она, – он мотнул головой в сторону Златки, – невеста Лютомира. Поссоритесь сразу со всеми.

По толпе волколаков прошел шепоток. Расталкивая локтями соседей, вперед вышла девушка. В отличие от других, одета она была на человеческий манер: в штаны из грубой материи и длинную, наполовину закрывающую бедра тунику. Длинные каштановые волосы – заплетены в косу, начинающуюся на затылке и идущую вдоль спины. Девушку можно было бы назвать красивой, если бы не три глубоких шрама – видимо, от когтей, идущих через щеку от левого глаза, наискосок.

Она протолкалась на свободное пространство, подошла к Ррышчу и что-то взволнованно забормотала, склоняясь к самому уху. Ррышч выслушал, недовольно скривился.

– Я не сомневался в твоём совете, Варна. Да только не проще ли пустить их на мясо, и дело с концом? Лютомир может и не узнать, как сгинула невеста...

Варна зарычала, сморщив нос – на лице явственно проступили волчьи черты – вновь склонилась к Ррышчу и забормотала еще яростней. Волколак слегка изменился в лице, хотя недовольное выражение осталось.

– Ты уверена?

– Да, я уверена. Это было третьего дня.

– Почему же ты сразу не сказала, – голос Ррышча стал угрожающим, низким, – ты забыла, что тебя взяли обратно лишь с условием, что ты будешь на нашей стороне?

– Я и есть на нашей стороне, – девушка смотрела на главаря с вызовом, – а вот ты, если прикажешь их убить, подложишь всем большую свинью.

Ррышч недовольно заворчал, поглядел на пленников, окинул взглядом волколаков.

– Что, и коня не сожрем?

– Пока мы будем добираться пешком, люди издохнут с голоду.

Стая пришла в движение. Самые решительные выступили вперед, обернулись волками, напряглись, готовые к прыжку.

– А ну! – Ррышч обернулся к ним, – я что, уже принял решение?

Он также перекинулся в волка, огромного, дикого. Угрожающе зарычал на тех, кто посмел его послушаться. Вздрыгнула шерсть, пасть оскалилась, обнажая массивные желтоватые зубы. Златка вспомнила детские сказки про Фенрира – Волка, выдыхающего огонь. Ррышч сейчас походил на него – казалось, еще немного, и он испепелит ближайших соратников.

Златка сидела, вцепившись в Горисвета побелевшими пальцами. Ей казалось, что все происходящее – не по-настоящему, что сейчас она проснется в своей избе, с криком, умоется и пойдет к сестре: рассказать про кошмар и утешиться, как в детстве. Белослава всегда умела подобрать нужные слова, да и вообще – она заменила младшей сестре мать, рано ушедшую на Ту Сторону.

Да только все это не было сном. Златка чувствовала, как бешено колотится сердце Горисвета, внешне спокойного. Чувствовала, как напряглись его мышцы. Даже находясь в ужасе, не могла не подивиться его выдержке, прониклась уважением. Уважением с толикой чего-то другого, нового.

Варна встала между ошетилившимися волками, заговорила звучно:

– Вы что, собрались перегрызться из-за коня и двух тощих людей? Лютомир даст много больше, если мы поможем его невесте выбраться из леса! И вы знаете, что я не обману и вернусь с добычей – если бы я не была верна стае, меня бы здесь сейчас не было.

Наступила тишина. Волколаки обратились в людей, хмуро перевода взгляды с Варны на пленников. Ррышч повернулся к Варне.

– Будь по-твоему. Без добычи можешь не возвращаться. Если не хочешь, чтобы тебя разорвали.

– Прошлого раза мне хватило, – Варна дотронулась до рубцов на щеке, – я помню урок, Ррышч.

– Добро. А вы, – Ррышч обернулся к тем, кто порывался броситься вперед, – если еще раз пойдете поперек меня, будете жалеть об этом до конца своих дней.

Варна подошла к Верному, посмотрела на Горисвета, задрала голову.

– Я провожу вас на тракт, и дальше – к Стерхам. Не советую со мной ссориться или пытаться меня убить – без моей помощи вы сгинете, даже до тракта не доберетесь. Лес не любит выпускать добычу, так же, как и моя стая.

– Спасибо т-тебе, – Горисвет склонил голову.

– Я не для вас стараюсь, люди. Но – пожалуйста. А теперь следуйте за мной.

Варна обернулась в волка, пошла в сторону зарослей. Прорычала что-то, и лес расступился, открывая путь.

– На вашем месте я бы не отставал, – вместо прощания буркнул Ррышч.

Ведьма колдовала, пританцовывая вокруг небольшого костра. Пламя, окрашенное в зеленый цвет – спасибо травам и заклинанию – лизало котелок, прихваченный из избы. Внутри исходил паром и пузырями густой отвар. Когда он будет готов, Ведьма выпьет его до капли, чтобы обрести нужные силы. Морок не помог, и в этот раз она не ограничится отвлекающими чарами. Но для того, чтобы создать нечто осязаемое, опасное, нужно было влить в себя то, что готовилось на костре. Задача не из простых.

Ведьма добавила пригоршню волчьих ягод, помешала варево сухой веткой. Конец ветки изогнулся, истончился, скрючился, как волос, поднесенный к свече. Запах был еще хуже, чем от паленых волос. Ведьма продолжала ходить вокруг, нагая, не обращая внимания на лесной сор, впивающийся в ступни. Когда она выпьет зелье, боль будет еще хуже. Но ей не привыкать. Она знает, что такое настоящая боль.

Когда Лютомир вытолкал Ведьму из терема, поначалу она не могла даже толком вдохнуть. Перед глазами стояло истерзанное тело матери, кулем валяющееся на полу, как ворох грязного белья. Цветана такой и была – грязной, раздавленной, покрытой семенем уroda, взявшего над ней власть. Ведьма сидела, привалившись спиной к стене, под закрытой дверью, и, вспоминая, билась затылком о дерево, не замечая, что делает.

Жгучий стыд, ненависть и ужас мутили голову, Ведьма не знала, куда их излить и что делать. Звать на помощь? Кого? Кто пойдет против владетеля? Бежать? А что станет с матерью?

В конце концов, так ничего и не придумав, она вернулась в свою избу. Зло пнула сундук с платьями матери, потом забралась на него и разрыдалась, воя, как раненное животное. В конце концов, свернулась в калачик и заснула, дыша ртом.

Вечером к ней пришел Лютомир. Она бросилась на него с кулаками, но он легко отшвырнул ее к стене, потом – заломил руку за спину, до боли, и зашептал в ухо.

Он говорил, что, если она не будет послушной, попробует сбежать или пойдет против него, он запытает мать до смерти. Если же Ведьма будет вести себя тихо и смирно, возможно, он натешится и отпустит обеих. Когда-нибудь.

Ведьме ничего не оставалось, как прислушаться к нему. Позже она горько об этом пожалела, но было уже поздно.

Лютомир держал Цветану взаперти. Терем, который она так любила, стал для нее тюрьмой. Ведьма иногда приходила под дверь, плакала, звала мать – та не откликалась, лишь слышались стоны и плач. Со временем Ведьма перестала приходить – больше не могла слушать эти звуки, думать, что происходит за дверью.

Она следила за Лютомиром, как могла. Поначалу он навещал мать в одиночестве, скрывая произошедшее. Позже – стал пускать к ней мужчин из дружины, тех, кто чем-то заслужил

хорошее расположение. В качестве награды. Иногда они куражились вдвоем, втроем, один раз Ведьма с ужасом увидела, что в башню терема поднимаются четверо.

Ведьму Лютомир держал при себе. Она прислуживала за столом, когда Лютомир пил с дружинниками. Каждый раз он заставлял ее первой попробовать пищу и питье, чтобы она не могла добавить туда яд.

Лютомир выросл, и росли его власть и сила. Не было в поселении Стерхов никого, кто пошел бы против него. Кто помог бы Ведьме прекратить то непотребство, что творилось в тереме. А люди знали – Ведьма с гадливостью поняла это, когда они стали ходить в ее избу, прося ее об исцелении, которое раньше им давала Цветана. Никто не спрашивал Ведьму, где ее мать. Все опускали глаза и сквозь зубы, презрением маскируя стыд и ужас, просили, а иногда – требовали то, что им было нужно. Ведьме хотелось всех их перетравить, добавить в лекарство самые страшные яды, вызывающие паралич, разложение, медленную, мучительную смерть.

Но она не делала этого. Она ненавидела себя за бездействие. Она ненавидела себя больше, чем людей – ведь это ее мать томилась в застенках, не их. И она бездействовала, скованная страхом, так чего она могла требовать от других?

Лютомира слушали. Он обещал людям лучшую жизнь. Объявил, что Цветана заперлась в тереме, чтобы полностью посвятить себя изучению способов, как очистить озеро. Люди верили – вернее, делали вид, так как не все дружинники, ходившие к Цветане, умели держать язык за зубами, а слухи распространяются быстро. Но народ Стерхов привык жить сам за себя – а верить Лютомиру было просто и приятно. Молодой владелец обладал силой и притягательностью, харизмой, достаточной, чтобы люди к нему тянулись.

Аквамарин, камень души Цветаны, он носил за пазухой, на прочном шнурке. Ведьма знала это, прислуживая за столом, не раз заглядывала ему через плечо, разглядывая шнурок, выющийся под другим – с камнем души самого Лютомира, ониксом. С какой радостью она бы сорвала с него оба камня! Но она не могла – не знала нужных слов. Цветана знала, на свою беду, но никогда не рассказывала дочери.

Ведьма ждала, стиснув зубы. Училась колдовству по книгам, тем, что Лютомир не прятал от нее. Тех, где речь шла о злой, запретной магии – в том числе, той, что позволяла снимать с людей камни и получать власть. Но Ведьма была упрямой, и душа ее подпитывалась ненавистью. В конце концов она нашла то, что ей пригодилось.

Шанс это использовать выпал через три долгих года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Варна резво пробиралась вперед – казалось, лес охотно менялся перед ней, творя тропинки по ее велению. Златка наблюдала за серой спиной волчицы, гадая, можно ли радоваться спасению, или все это – не на радость, а на беду.

– Горисвет, ты ей веришь? – Златка склонилась к уху мужчины, чтобы волчица не услышала.

– Ну, п-по крайней мере, с ней одной справиться легче, чем с целой стаей. Имя у нее странное. Не волчье.

Златка перевела взгляд на Варну. Та, будто почуяла, что разговор идет о ней, остановилась, повернула голову в их сторону. На месте, где у нее были шрамы от когтей, в волчьем обличье тремя полосами белела седая шерсть. Волчица подождала, пока Верный поравняется с ней, и снова вырвалась вперед.

Петляли по зарослям минут тридцать. Златка, на которую накатила усталость, крепче обхватила Горисвета и положила голову ему на спину. Голод и напряжение дали о себе знать – через минут десять девушка начала подремывать и съезжать со спины коня. Горисвет поймал ее, прежде чем она свалилась наземь.

– Варна! Давай остановимся, п-передохнем немного.

Варна притормозила. Перекинулась в человеческий облик.

– Добро. Только чуть дальше, там поляна.

– Откуда ты знаешь? – Златка готова была остановиться где угодно, лишь бы побыстрее.

– Я попрошу, и лес выведет, – Варна пожала плечами.

– Вы так умеете?

– Лес – наша обитель, мы здесь рождаемся, здесь и умираем. Он готов идти навстречу.

Продолжили путь, и вскоре действительно вышли на открытое место. Горисвет слез с Верного, помог Златке. Снял свой дорожный плащ, расстелил на земле. Златка, обессиленная, прилегла. Горисвет достал из сумы оставшиеся припасы, дал Златке бурдюк с водой, себе взял вяленого мяса. Предложил и Варне. Та взяла, кивнув.

– Почему у тебя такое имя?

– Это печальная история. Но могу рассказать, коли мы все равно отдыхаем. Когда мать была беременна, она охотилась – преследовала лань. Увлеклась слишком, отбилась от стаи, оказалась у болот на дальней стороне леса. Лань-то она настигла, да прижало: пришла пора рожать. Доползла до норы под корнями дерева, там и разрешилась, мной и братьями. Или сестрами, уж не знаю. Выжила-то я одна. Пока мать отлеживалась, лесу вздумалось шутить шутки. Болотная водица вышла из берегов и затопила все вокруг, в том числе и нору. Все утопи, одна я каким-то чудом выплыла, валялась полудохлая, так бы и сгинула, если бы рядом не оказался человек из Стерхов. Он забрал меня к себе, назвал Варной – «бушующей водой».

– Выходит, мы одной п-породы, – грустно улыбнулся Горисвет, дотронувшись до рубцов на шее, – т-только моя семья сгорела, а не утонула.

– Выходит, так. Но моя семья – стая. Хотя росла я у Стерхов, привычки некоторые человечески переняла, одежду, например. Но как подросла, все равно ушла в лес.

– Мне очень жаль вашу родню, – подала голос Златка. – Мои родители тоже рано умерли, но у меня осталась сестра.

– Тем лучше для тебя, девушка.

– Меня зовут Златка.

– Златка. Как золото, да? Тебе подходит, златовласка, – Варна подмигнула. – Ты отдохнула, можно трогаться?

Златка кивнула.

– Тогда вперед, тут уж недалеко до тракта.

– Добро. Тогда я Верному дам отдых, пусть Златка едет, я п-пока пешком. Ты тоже помедленней, Варна.

Варна перекатилась по земле, обратилась волком, Горисвет посадил Златку на коня.

Прошли минут двадцать и оказались в полосе сухостоя. По обе стороны от тропинки забором выстроились иссохшие кусты. Тонкие голые ветки переплелись, часть из них хищно топорщилась, словно тянулась в сторону путников. За кустами виднелись деревья, на три живых – одно мертвое, сухое, скрюченное. Тропинка упиралась в огромную кучу валежника – и заканчивалась. Тупик. Горисвет остановился, придержал коня.

– Варна, т-ты уверена, что мы правильно идем?

Варна повернулась в их сторону, не меняя облика, недовольно фыркнула, проворчала что-то. Осторожно, крадучись, подобралась к валежнику, обнюхала его – и зарычала, вздыбив шерсть. Попятилась.

В этот момент Верный издал недовольное ржание, дернулся, загарцевал, перебирая копытами. Сидящая на нем Златка обернулась, ойкнула: сухие острые ветви, идущие от кустов, дотянулись до крупа коня. Шевелились, царапая шкуру до крови, хватали за хвост. Горисвет, едва успевший увернуться от испуганного Верного, обернулся, вытащил из ножен меч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.